

И. А. Кремлева

ОТМИРАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ЗАВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Изучение религиозных верований всегда было одной из важных задач этнографии. Анализ данных, характеризующих процесс преобразования традиционных культур на современном этапе их развития, приводит к выводу, что сейчас происходит «перемещение... этнической специфики из сферы материальной в сферу духовной культуры...»¹. Поэтому исследование религиозных верований (пожалуй, наиболее консервативного элемента духовной культуры) приобретает ныне особый интерес, ибо оно может дать материал не только для решения религиозно-ведческих проблем, но и для выявления закономерностей современных этнокультурных процессов.

В этой статье излагаются некоторые сведения о состоянии старообрядчества, собранные мной в ходе экспедиционных работ в Горьковском Заволжье в 1972—1973 гг.² Использованы и материалы Горьковского отряда Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, работавшего в Заволжье в 1959—1960 гг.³ Данных о современном старообрядчестве опубликовано немного⁴, почти ничего нет и по Горьковскому Заволжью⁵. Приведенные здесь факты могут оказаться полезными для исследователей современного состояния религиозных верований в нашей стране.

Горьковское (Нижегородское) Заволжье хорошо известно как один из традиционных очагов старообрядчества. Быт старообрядцев во многом отличался от быта православных, что обусловлено прежде всего причинами религиозного порядка. Благодаря обособленности староверческих общин у них сохранялись многие обряды, обычаи и воззрения допетровской России.

Своеобразие жизненного уклада последователей «старой веры», культурно-бытовые особенности старообрядчества делают закономерными вопросы: каким путем происходит отмирание религиозных верований в районах традиционного распространения старообрядчества? Есть ли

¹ Ю. В. Бромлей, Этнографическое изучение народов, «История СССР», 1972, № 6, стр. 64.

² «Материалы Волжского отряда Кафедры этнографии МГУ», 1972—73 гг., Архив Кафедры этнографии МГУ.

³ «Материалы Горьковского отряда», 1959—60 гг., Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. № 1, ед. хр. № 15.

⁴ Об этом, в частности, писал исследователь старообрядчества В. Ф. Миловидов; см.: В. Ф. Миловидов, Старообрядчество в прошлом и настоящем, М., 1969, стр. 6.

⁵ Некоторые материалы Горьковского отряда приведены в работах: Л. Пушкирев, Г. Снесарев, М. Шмелева, Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления, «Коммунист», 1960, № 8; В. Ф. Миловидов, Указ. раб., стр. 91, 94, 108. Отдельные сведения по частным вопросам содержатся в статьях: В. Н. Басилов, О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр, «Вопросы истории религии и атеизма», вып. XII, М., 1964 г.; Н. И. Савушкина, Фольклорный быт одного колхоза, «Современный русский фольклор», М., 1966, стр. 53—77.

здесь какие-либо отклонения от тех тенденций, которые отмечены среди православных, не придерживавшихся «старой веры»?

В разных углах Заволжья наблюдались свои особенности религиозно-бытовых традиций. Кроме того, как показали и мои наблюдения, отмирание религиозных верований в разных районах и даже в разных населенных пунктах одного и того же района происходит неодинаковыми темпами. Я опишу здесь только одну деревню — Климово Уренского района.

Не отрицая полезность, а во многих случаях необходимость сбора массовых материалов посредством очень популярного сейчас метода анкетирования, я тем не менее убеждена, что такой путь нельзя избирать на исходном этапе исследования религиозной жизни. Ориентация на массовый материал оправдана только в тех случаях, когда главные явления религиозной жизни стали по существу ясными, и перед исследователем стоит задача уточнить их количественную характеристику, чтобы с большей уверенностью выделить основные тенденции развития. Религиозные явления целесообразно изучать традиционными методами этнографической полевой работы, причем объектом изучения следует избирать именно населенный пункт, ибо религиозная община находится в его границах, а проявления религиозности зависят от характера святей внутри общины.

Наблюдения, сделанные мною ранее в ряде районов Заволжья, дают возможность характеризовать Климово как одну из таких деревень, в которых процесс разложения старообрядчества зашел достаточно далеко.

Собранные в Климове и окрестных деревнях сведения позволяют составить представление о некоторых особенностях жизни местного старообрядчества в прошлом. Еще в начале XX в. основная идея раскола о появлении в мире антихриста, от которого христианам предписывалось бежать «в горы и вертепы» для спасения души, оказывала здесь сильное влияние на умы⁶. В конце прошлого века в Климове получила распространение оживившаяся в Нижегородской и ряде других губерний России нетовщина (или спасово согласие) — один из наиболее крайних беспоповских толков, который зародился в конце XVII в., видимо, в Нижегородском крае⁷. Неясно, вся ли деревня состояла из нетовцев или только часть ее, однако о том, что в Климове были последователи секты, говорят сообщения его старейших жительниц («Мы по Спасову согласию...»), «Нашу веру в Климове раньше дедушка называл нетовщиной...»⁸.

Местный центр нетовщины находился в соседней деревне Буренино, расположенной в 5 км от Климова. В конце прошлого века житель Буренина крестьянин Федор Григорьевич Коробейников выступил с призывом покинуть мир, где царствует антихрист. Его последователи удалялись в лес, где многие из них умерли от голода. Одной из первых умерла его жена. Движение нетовцев получило известность, и к Коробейникову начали приходить люди даже из Вятки, среди них были и девушки. По-видимому, очень скоро учение утратило свой фанатический экстремизм. У приверженцев Коробейникова появилось своеобразное поселение из землянок, вырытых на склоне оврага у реки. Рядом было их кладбище. Сам Коробейников не спешил умирать. Он женился второй раз и имел от второго брака троих детей. Поселение в лесу, судя по сообщениям старожилов, существовало еще в первое десятилетие нашего века. Обитатели землянок носили одежду только из холста, сотканного своими руками. Мельничной мукой они не пользовались и сами мололи

⁶ Подробнее см. Н. М. Никольский, История русской церкви, М., 1930, стр. 117 и др.

⁷ В. Ф. Миловидов, Указ. раб., стр. 28, 29.

⁸ «Материалы Горьковского отряда», 1959, тетр. 1, стр. 18; 1960, тетр. 2, стр. 38.

зерно на жерновах. Хлеб ели несоленый. Они не крестились (ибо «рука запечатлена антихристом: денежки берешь — они антихристом напечатаны») и не держали икон («если бы ранние иконы — поклонились бы, а сейчас их табашники и пьяницы делают»). Последователи Коробейникова носили нательные кресты только из кипариса, не употребляли спичек и огонь высекали из кремня. Многие приверженцы секты и сочувствующие продолжали жить в окрестных деревнях. В Буренине, по словам рассказчика, они составляли половину деревни. Вступая в споры со священниками, нетовцы умело отстаивали свои взгляды⁹. Судя по ряду деталей, в частности по собраниям последователей Коробейникова на огороде у одного старика (он никогда не был женат), где они пели духовные стихи, сектанты принадлежали к так называемой «поющей нетовщине»¹⁰.

Собранные сведения показывают, что в прошлом в Климове, как и повсюду в Заволжье, долго сохранялся консервативный быт, свойственный староверческим общинам. Как известно, староверы строго соблюдали многочисленные ритуалы и предписания, регламентирующие повседневную жизнь, ибо прочно держалась вера в их магическую силу. В Климове прежде существовал запрет есть из одной посуды с «мирскими», который стал терять силу, видимо, уже в конце прошлого века, так как старожилы рассказывают об этом запрете со слов своих родителей. Быт старообрядцев был основан и на принципе полной власти родителей в неразделенных семьях. Раньше полагалось «благословляться» у родителей, начиная любую работу, даже выходя из дома по воду. Бывали случаи, когда вода из колодца, принесенная снохой без благословения у свекрови, выливалась¹¹.

Большая роль ритуала в религиозной жизни старообрядцев проявлялась и в формах соблюдения христианских праздников, которые отмечались долгими и торжественными молениями. На пасху, например, прежде молились всю неделю. Кроме общеправославных праздников, здесь была популярна так называемая «Варнавьева година», когда ходили по полям. Святой Варнава, мощи которого находились в г. Варнавине, почитался в этих местах¹². Процессия несла «престол», на котором лежали крест и Евангелие. Чтобы исцелиться от своих недугов, больной ложился на землю и к нему прикладывали крест или икону¹³.

Наряду с особенностями религиозных традиций, связанных непосредственно с расколом (двуперстное крестное знамение, употребление лестовок и подрушников при молитве и т. п.), старообрядцы в силу застойности и консервативности своего быта в гораздо большей степени, чем основная масса русского населения, сохраняли многочисленные пережитки дохристианских религиозных представлений и обрядов. Как и в других деревнях Заволжья, в Климове верили в домовых («дворовой»), леших, водяных («лешиха водяная»), шишигу и вообще «бесей» и «духа лукавого». Как особый демонологический персонаж представлялась и смерть. Прочно держалась вера в колдовство, причем и здесь можно отметить некоторые архаические черты. По существовавшим поверьям, тот, на кого колдун «надевал шкуру» сороки, будто бы превращался

⁹ «Материалы Горьковского отряда», 1960, тетр. 2, стр. 42—45.

¹⁰ См., в частности, Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXXI, СПб., 1900, стр. 145, 146.

¹¹ «Материалы Волжского отряда», 1972, тетр. 1, стр. 62. Такие эпизоды были типичны для старообрядческого быта и в других областях страны. См., например, В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук, Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX вв.), М., 1971, стр. 62.

¹² Варнава, умерший в XVII в., признавался святым и православной церковью. См., И. К. Херсонский, Рукописное житие преподобного Варнавы Ветлужского, Кострома, 1890.

¹³ «Материалы Волжского отряда», 1972, тетр. 1, стр. 77.

в сороку и выполнял все приказания колдуна. Вот почему про сороку в Климове говорили: «Ведьма долгохвостая»¹⁴.

Отдельные языческие традиции в течение веков стали истолковываться в соответствии с христианскими представлениями. Так, несомненно древнее почитительное отношение к хлебу переплелось с христианской символикой. Объяснение, почему в овине не водятся «беси», звучало так: «В овине сушилось тело Христово — зерно». Еще в начале нашего века старики не разрешали молодежи петь и плясать в период цветения ржи. «Даже караульного ставили к воротам, чтобы воротами сильно не хлопали, чтобы хлеб, тело Христово, не дрожал»¹⁵.

Еще в годы первой мировой войны в Климове совершался чрезвычайный древний обряд — «вытирание огня из дерева», чтобы спастись от холеры. В поле устраивались «ворота» — два столба с палкой, помещенной между ними в пазах. Веревкой (обязательно новой) палку вращали, и оба конца ее от трения загорались. Этим огнем зажигали можжевельник. Через огонь прогоняли скотину, проходили все жители, матери несли младенцев на руках, следя за тем, чтобы и детей «окурило дымком». Старожилы рассказывали, что в соседней деревне Мокроносово огонь добыть трением не сумели и пришли за ним в Климово. В деревне Холкино обряд не был совершен — «так почти все Холкино вымерло», — сообщила рассказчица. Климовцы помнят и о другом не менее архаичном ритуале, совершавшемся в те же годы. В целях предохранения от холеры шесть девушек и шесть взрослых женщин тащили соху, проводя борозду вокруг всей деревни. Вместе с ними шли пожилые женщины со свечами и крестом и молились¹⁶.

По воспоминаниям старожил, еще в начале XX в. почти вся деревня бойкотировала мужчину, предоставившего свой дом для школы; считалось, что в его доме завелся антихрист.

И все же именно в начале века, когда и заволжскую деревню затронуло влияние капиталистических отношений, стало заметно ослабление прежних традиций. Разрушению старины способствовало проведение железной дороги. Служба в армии во время первой мировой войны уничтожила многие предрассудки у мужчин, составляющих ныне старшее поколение. «Старичок», возглавлявший тогда общину, не разрешал вернувшемуся из армии односельчанину посещать молельный дом, пока ему не будет прочитано «прощение», ибо он общался с людьми «другой веры». Однако полностью отгородиться от новшеств уже было нельзя. В частности, в это время в старообрядческих деревнях утвердился обычай курения табака, что прежде считалось грехом («с бритоусом, с табашником не молись»).

Революцию в этих местах старообрядцы восприняли недоброжелательно. Воспользовавшись тем, что еще со времен Никона они привыкли видеть во всех нововведениях печать антихриста, контрреволюционеры пытались убедить крестьян, что с приходом Советской власти в России воцарился антихрист, и конец света близок. С этой целью использовались различные туманные места из Апокалипсиса. Эта агитация оказывала воздействие на часть крестьян, ибо отсталость заволжской деревни удалось преодолеть только в период коллективизации.

Важным переломным этапом, изменившим облик заволжской деревни, явился 1931 год, когда в Климове и соседней деревне Мокроносово были организованы колхозы, создававшиеся в очень сложных условиях. Зажиточные крестьяне оказывали давление на бедноту, противодействуя ее вступлению в колхоз; колхозники на первых порах с трудом свыкались с новой формой хозяйствования, с обобществлением инвентаря и

¹⁴ «Материалы Волжского отряда», 1972, тетр. 1, стр. 78.

¹⁵ «Материалы Горьковского отряда», 1960, тетр. 2, стр. 12, 33. Имеются в виду ворота в изгороди, защищавшей посеы от скота.

¹⁶ «Материалы Волжского отряда», 1972, тетр. 1, стр. 77.

тягловой силы. Еще в конце 1940-х годов оба колхоза отставали от передовых хозяйств; сказывалась недостаточная производственная база. В 1950 г. сельхозартели деревень Климово и Мокроносово слились в один колхоз «Прожектор», что позволило более эффективно использовать технику и рабочую силу. К концу 1950-х годов значительно выросло производство товарной продукции. В начале 1950-х годов еще две сельхозартели объединились с колхозом «Прожектор». Укрепление и развитие экономики способствовало преобразованию быта колхозников. Развернулось массовое строительство новых домов, были переоборудованы детский сад, ясли, медпункт. Большую роль в повышении культурного уровня населения сыграла библиотека, уже в начале 1960-х годов насчитывавшая свыше 10 тыс. книг. Многие юноши и девушки, окончив школу, продолжали учебу в специальных учебных заведениях и институтах, нередко сочетая ее с работой в колхозе; ныне уроженцев Климова и соседних деревень, получивших различные специальности, можно встретить не только в родных местах, но и в разных областях страны¹⁷.

Преобразование всего жизненного уклада в соединении с антирелигиозной пропагандой затронуло и обыденное религиозное сознание, что проявилось, в частности, в распространении атеистического мировоззрения. Значительную часть населения деревни Климово, расположенной всего в 2—3 км от районного центра, составляют сейчас неверующие¹⁸. Следовательно, религиозная община объединяет здесь лишь часть жителей, а не всю деревню. История старообрядчества показывает, какое огромное значение беспоповцы придавали принадлежности к тому или иному толку. У нас нет сведений, когда произошел окончательный распад нетовщины в этих местах. Уже в 1959—1960 гг. лишь отдельные жители Климова помнили, к какому толку принадлежали их отцы и деды. «Старообрядцы мы, беспоповцы», — вот все, что обычно могли сказать о своей «вере» даже старики. В прошлом в Климове был специальный «молебный дом» с характерным для беспоповцев делением на две половины — мужскую (справа) и женскую (слева). Перегородка отделяла девушек от парней, чтобы они не переглядывались во время богослужения. В начале 30-х годов «молебный дом» сгорел, его не восстановили, и с тех пор верующие собирались для совместных молений в частном доме. Отвергнув в свое время официальное православное духовенство, беспоповцы обходились собственными силами и при исполнении религиозных треб. Общину возглавлял «настоятель» («старичок», «духовный отец»), который руководил всей религиозной жизнью деревни. Как и в 1959—1960 гг., в 1972 г. у климовских верующих был свой «старичок» («наставник»), выбранный не за знания и авторитет, а, скорее, для того, чтобы община возглавлялась мужчиной; «старичок» крестил младенцев, начинал моления, принимал «покаяние», но фактически не являлся главой верующих, и религиозной жизнью общины руководили несколько женщин.

Прежде климовские беспоповцы не пускали в свой «молебный дом» приверженцев других направлений старообрядчества. Но в 30-х годах, когда в селе Темта была закрыта единоверческая церковь, отдельные жители соседней деревни Мокроносово (единоверцы) стали посещать праздничные моления в Климове. Благодаря миграции населения, связанной с причинами личного или служебного характера, в Климове осели люди не только из других деревень района, но и из разных областей страны. Сейчас в Климове есть и приверженцы православной церкви, и «австрийского согласия». 42-летняя женщина, выросшая в селе Непряхино в семье, которая придерживалась «австрийского согласия», рассказы-

¹⁷ Подробнее о колхозе «Прожектор» см.: Д. М. Коган, Изучение современного колхозного быта Центральным отрядом Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1964, № 5.

¹⁸ С 1 января 1974 г. деревня Климово стала частью территории г. Урень.

вала в 1960 г., что, когда она ходила на пасху молиться вместе с климовскими женщинами, никому не пришло в голову ее прогнать. О стирании граней между религиозными направлениями свидетельствует и обряд крещения. Так, уже в 20-е годы были случаи, когда климовские беспоповцы крестили своих детей в церкви¹⁹. Поповцы также стали прибегать к услугам беспоповского «старичка». Например, упомянутая выше представительница «австрийского согласия» окрестила одного из своих троих детей в Климове, в липовой кадушке («Сейчас я уже не австрийской веры», — сказала она, имея в виду свой отход от старых традиций).

Границы религиозной общины сейчас очень неопределенны. По сути дела, говоря о коллективных проявлениях религиозности (например, о праздничных молениях), мы должны подчеркнуть, что их организаторами выступают всего несколько старых женщин, которые могут читать церковные книги, знают, как совершать обряды крещения, погребения, какие молитвы читать на поминках и т. п. До сих пор эта группа верующих устраивает совместные моления по большому религиозному празднику. По рассказам местных жителей, обычное число участников молений — 20—30 старушек (это в деревне, состоящей из 300 дворов!). Лишь на пасху собирается гораздо больше людей. Малочисленность коллективных богослужений была характерна для Климова уже свыше 15 лет назад. Так, на рождественской вечерне, 6 января 1960 г., присутствовало 20 человек, все старые и пожилые люди, из них четверо — мужчины; на заутрене — около 50 человек, были и женщины средних лет, кое-кто пришел из г. Урены и соседней деревни Мокроносово. Уже тогда от строгости и торжественности старообрядческого богослужения не осталось и следа. Хотя старушки считали недопустимым зажигать свечи спичками, и огонь был высечен из кремня, во время службы они охотно отвлекались и громко разговаривали о посторонних делах²⁰. И в 1972 г. верующие сообщали, что на молениях бывают разговоры и шум; некоторые люди приходят почти к самому концу богослужения. Если религиозной общиной можно условно считать совокупность всех верующих деревни, то надо заметить, что в настоящее время на молениях бывает представлена лишь незначительная ее часть — наиболее религиозные люди. (Впрочем, отдельные верующие старшего поколения, как правило мужчины, пренебрегают молениями потому, что, по их словам, на них нет должного порядка и руководят ими женщины.) Богослужения устраиваются не только по праздникам. Засушливым летом 1972 г. несколько старушек совершили моление о дожде, выйдя за околицу деревни.

До сих пор в соответствии со старыми обычаями проводятся похороны и поминки. 21 июля 1972 г. во время пребывания участников Волжского отряда в Климове умерла 52-летняя женщина. Это печальное событие дало возможность вочию убедиться в том, что руководители религиозной общины стараются сохранять традиции старообрядчества. Женщины, фактически возглавлявшие общину, не желали принимать участие в похоронах. Возможно, свою роль сыграло здесь осуждение образа жизни умершей («пила покойница много»), но была и причина другого рода: усопшая «не приняла покаяние»²¹. И хотя она в течение двух лет лежала парализованная, это не смягчало вины: «Могла покойница или близкие справиться ее, да вот не сделали». Вот почему организаторы совместных молений не хотели ее отпевать. Однако многие верующие выражали недовольство такой непримиримостью, а одна женщина

¹⁹ Впрочем в этом, возможно, сказывались и традиции нетовщины.

²⁰ «Материалы Горьковского отряда», 1960, тетр. 1, стр. 120—124.

²¹ В пятницу первой недели Великого поста бывает исповедь: «В Великий пост всегда покаяние принимают. Каждый год ходят к старику исповедоваться. Старичок читает покаяние, дает епитимью, лестовки» (т. е. говорит, сколько раз надо прочитать положенные молитвы за совершенные проступки). См. «Материалы Волжского отряда», 1972, тетр. 4, стр. 149.

(67 лет), которая обычно обмывает и отпевает умерших, явилась в дом покойной и прочла над телом молитвы («не все, а только канон, и молилась не за нее, а за родителей»). Старый запрет молиться за человека, не принявшего покаяния, проявился и на кладбище, где было человек сорок, из них три четверти — пожилые и старые женщины. Две из них стояли в воротах кладбища и предлагали присутствующим в память покойной сладости (конфеты, печенье); большинство отказывалось и запрядало детям брать подаяние, ибо «если берешь милостыню, то надо молиться за умершую, а покойница неисправленная». Однако этого запрета придерживались не все присутствующие, кроме того, восемь женщин из числа бывших на кладбище пришли и на поминки, где собралось 17 человек.

Соблюдение старинного ритуала на поминках²² во многом объясняется тем, что руководят поминальным обрядом те же старые женщины, которые составляют ядро общины. До сих пор соблюдается определенный набор блюд. Так, поминки 21 июля 1972 г. пришлось на постный день, поэтому кушанья подавались рыбные и грибные, приправленные подсолнечным маслом. Многие представители старшего поколения знают, в какой последовательности и какие молитвы должны быть прочтены на поминках. Правда, случаи отступления от традиционного порядка становятся все более распространенными. Уже в 1959—1960 гг. отмечалось, что на поминках («обед») читались не все положенные молитвы²³.

Таким образом, функционирование религиозной общины еще проявляется в целом ряде ритуалов. Однако эти ритуалы, совершаемые с некоторыми отступлениями от старинных правил, фактически исполняются небольшой кучкой верующих, поэтому для характеристики общего состояния религиозности не менее важно другое: сведения о религиозных представлениях, сохраняемых населением деревни. Важно не только проследить внешние проявления религиозности, но и уяснить, в какой мере религия живет еще в сознании людей, отражается в их поведении. Следует отметить, что существует огромная разница в мировоззрении различных групп населения Климове, как правило, совпадающая с возрастными различиями: чем старше человек, тем больше сохраняет он религиозных представлений.

Многие люди старшего поколения (60 лет и выше) стараются, насколько это возможно, придерживаться старых обычаев и взглядов, объясняя это тем, что им хотелось бы «умереть в той жизни, в какой родились». «Нам поздно меняться», — говорят они. Большинство стариков и старух верят в загробный мир, соблюдают пост, отмечают религиозные праздники, молятся каждый день. Они верят в чудесные силы мощей святого Варнавы²⁴ или в святость озера Светлояр, куда некоторые старики ходили на паломничество еще в пятидесятых годах. У части верующих старшего поколения, преимущественно женщин, сохраняются кое-какие дохристианские представления, например, вера в колдовство. В Климове есть старуха, про которую говорят, что она может наслать порчу на скот и слгазить. Стойкой оказалась вера в лешего («в кустах тебя заблудит так, что не выйдешь»), в домового или дворового («живет в доме, заплетает у лошади гриву в косички»). Для старообрядческого деревенского быта были очень характерны представления о нечистой силе. Полагалось закрывать печь и трубу с молитвой, чтобы не было доступа нечистой силе; все ведра, горшки, бочонки и т. п. обязательно должны были быть покрыты, чтобы там не завелись «беси». Некоторые

²² Подробное см.: «Материалы Волжского отряда», 1972, тетр. 3, стр. 60—65, тетр. 5, стр. 205—213, тетр. 6, стр. 77—82.

²³ «Материалы Горьковского отряда», 1960, тетр. 2, стр. 29.

²⁴ О формах поклонения Варнаве (ползут вокруг его могилы и др.), наряду с материалом Горьковского и Волжского отрядов есть сведения и у М. М. Пришвина. См. М. М. Пришвин и др., Светлое озеро, Собр. соч., т. 2, М., 1956, стр. 411, 415.

из прежних поверий, связанных с боязнью «бесей», сохранились и в наши дни. Встречаются еще старые и пожилые женщины, которые молятся, ступая первый раз за порог, считают, что в бане, где может особенно напугать бес, надо мыться до захода солнца, не снимая нательный крест. Не исчезло еще убеждение, что «лукавый дух» прилетает по ночам к одиноким женщинам; после его визита будто бы остаются синяки на руках.

Многие старики соблюдают характерный для религиозного быта старообрядцев обычай; они при жизни заготавливают себе гроб, сделанный из цельной колоды. Однако этого обычая сейчас придерживаются далеко не все. Целый ряд ритуальных предписаний, оказывавших влияние на быт, совершенно отошел в прошлое. Раньше, например, в течение двенадцати дней после праздника крещения запрещалось мыться в бане («вода в речке в это время святая»); теперь этот запрет никем не соблюдается.

Вообще, отмечая сохранение прежних воззрений у верующих старшего поколения, мы должны обратить внимание и на то, что они соблюдают свои религиозные обязанности без особой убежденности, неполностью, нерегулярно; проявляется даже своего рода равнодушие к религии. Так, уже в 1959—1960 гг. нередкими были такие признания: «От бога не отказываемся, но молиться недосуг как-то»; «Пост соблюдаю. Вот когда работала летом — не соблюдала»; «Вся семья не постится — что же я одна буду?». Часто старушки ссылаются на то, что молиться и поститься нет сил, что они устают от домашней работы.

Но ссылки на занятость не могут объяснить пренебрежение некоторыми религиозными предписаниями. В прежние времена женщина в этих местах была ничуть не меньше загружена, притом несравненно более тяжелым трудом, однако никакая усталость не мешала ей молиться и поститься. Если бы религиозная вера оставалась такой же фанатичной, как в старину, для выполнения религиозных обязанностей нашлись бы и силы, и время. Все дело в том, что религия в жизни верующих отходит на задний план, оттесняемая другими интересами, связанными с новым образом жизни. Показательна такая бытовая деталь: во многих домах иконы висят не в комнатах, а на кухне.

Многие старики, считающие себя верующими, не молятся и не исполняют религиозные обряды. Среди старшего поколения встречаются люди (обычно мужчины), которые отвергли все предписания религии, кроме требования верить в бога. Так, еще в 1959 г. 72-летний старик говорил: «Библия написана людьми, людьми же сделаны и иконы, поэтому не молюсь, пост не соблюдаю». Это не было старообрядческим вольномыслием, направленным против «никонианства». Он отрицал и существование загробного мира: «Чепуха все это. Никакого рая и ада не будет. помер — и все. Из земли вышел, в землю уйдешь». Все же высшую силу он признавал: «Есть — в это я верую — невидимая сила над нами. Земля, луна — все это кем-то создано, кем — неизвестно. Про это никто ничего не может доказать, никакие спутники. Бог — это название». Другой житель Климова (65 лет) излагал свои взгляды менее логично, но в том же духе: «Пост не соблюдаю, все ем. Что за грех — стакан вина выпить? Нет никакого греха. Раньше у нас темный народ был, вот и говорил: грех, грех. Я вот подумал: не будешь работать — никто ничего не даст. В тот свет не верю — его нету»²⁵.

Таким образом, даже верующие люди старшего поколения в своих взглядах и поступках далеко отошли от старообрядчества в его традиционном виде. Обыденное сознание современного верующего отличается от прежнего образа мыслей старообрядца не только отсутствием многих религиозных элементов, но и неизмеримо большим влиянием свет-

²⁵ «Материалы Горьковского отряда», 1959—1960 гг., тетр. 1, стр. 33, 80.

ских интересов. Исчезла былая замкнутость старообрядческой деревни, основанная на противопоставлении «старой веры» (причем только своего толка) всему прочему миру. Религиозные убеждения, как правило, уже не отгораживают старообрядца от жизни страны. Многие верующие сейчас хорошо осведомлены о том, что происходит и в СССР, и за рубежом, знакомы с успехами науки и техники. Записи 1959—1960 гг., в частности, говорят о большом впечатлении, которое произвел на верующих запуск спутников. В те годы в Климове еще были избы, где жили старики, не пожелавшие провести электричество и радио. В 1972 г. жители деревни не смогли назвать мне дома без радиоточки и электричества. Сейчас почти над каждым домом возвышаются телевизионные антенны; старики охотно смотрят телепередачи. В деревне нет семьи, которая не выписывала бы газеты.

Более молодые жители деревни, тесно связанные с производственной жизнью колхоза или предприятий Урения, уже фактически не являются средой, в которой держатся традиции старообрядчества. В значительной степени эти поколения полностью отошли не только от «старой», но и от всякой иной религии: среди мужчин моложе 55 лет верующие составляют редкое исключение. А те, кто называет себя верующими (как правило, это люди старше 40 лет), соблюдают ничтожную долю того, что предписывалось соблюдать старообрядцу еще лет 30 назад. Внешне они также не похожи на старообрядцев. Еще в 20-х годах мужчину, возвратившегося из армии, не признавали «своим» и не допускали к участию в религиозной жизни общины до тех пор, пока у него не отрастет борода, только после этого старичок читал ему «прощенье». Теперь же мужчины моложе 60 лет, в том числе и верующие, как правило, бреют лицо. Среди мужчин этого возраста преобладают неверующие. Атеизм их нередко стихийный и не является научно обоснованным мировоззрением. Другую, меньшую, но все же значительную группу составляют колеблющиеся — люди, которые еще не стали атеистами, но и не убеждены в существовании бога или сверхъестественных сил. Для колеблющихся характерен образ мыслей, который один 44-летний мужчина выразил следующими словами: «Не пощусь, не молюсь — и забыл, когда все это было. Трудно сказать, верую ли в бога. Не до конца разобрался я в этом». Верующие и колеблющиеся в основном встречаются среди мужчин старше 40 лет.

Среди женщин доля верующих значительно больше, чем среди мужчин, а средний возраст верующих значительно ниже. Есть верующие женщины 30—35 лет. Однако, как правило, молодые женщины не соблюдают почти никаких религиозных обрядов и предписаний, а их верования образуют совсем иную систему, чем у людей пожилых и старых. Они признают бога «в душе». Вот слова 32-летней женщины: «В бога верю. Молитвы знаю, но не молюсь, пост не соблюдаю. Крест не ношу. Душа у человека есть, в это верю...». Другая женщина говорила: «В бога верю, значит, и в загробную жизнь. Крест ношу, но не молюсь никогда. Когда мать заставит — перекрещусь. Не пощусь. Вообще у нас никто в семье пост не соблюдает». Многие молодые женщины, признающие себя верующими, никогда не посещают совместные моления, устраиваемые старухами.

Молодежь Климова (до 30 лет) за редчайшими исключениями в бога не верит. Следует заметить, что еще в 1959—1960 гг. среди девушек и молодых женщин были верующие. В освобождении климовской молодежи от старых традиций большую роль сыграл деревенский клуб, построенный в середине 50-х годов. С его появлением прекратились посиделки («поседки»), устраивавшиеся в частных домах; молодежь в то время вынуждена была подчиняться требованию хозяев соблюдать религиозный запрет гулять и веселиться перед воскресеньем, «христовым днем». Клуб дал возможность нарушить эту традицию. В 1959 г. моло-

дежь стала приходить в клуб на просмотр кинофильмов или на танцы и в субботу. Клубная работа оказала большое влияние на культурную атмосферу деревни. Здесь был открыт Народный университет культуры, регулярно читались лекции на различные темы, в том числе и по вопросам атеистического воспитания²⁶. В 1959—1960 гг. старые обычаи еще сказывались, и в дни религиозных праздников (рождество, крещение, пасха) девушек в клубе бывало мало. Но работа, которая постоянно велась с молодежью, вскоре увенчалась успехом. В 1972 г. запрет окончательно потерял свою силу. Правда, в отдельных ситуациях мнение религиозной общины берет верх: детей крестят. Молодые родители, как правило, не препятствуют в этом старикам, чтобы не возбуждать по деревне ненужные пересуды и сплетни²⁷. Кроме того, верующие старики отказываются нянчить некрещенных детей. Изредка бывают еще такие случаи, когда по окончании сватовства родители жениха и невесты молятся («кладут начал») и благословляют молодых (вряд ли нужно пояснять, что браки давно заключаются только по инициативе молодых людей и вне зависимости от вероисповедания родителей).

В 1959—1960 гг. по настоянию верующих стариков некоторым детям ясельного и школьного возраста надевали нательные кресты; воспитатели и учителя вели с родителями разъяснительную работу. В 1972 г. деревенские дети уже не носили нательных крестов.

Большая часть молодежи работает в районном центре и в деревне проводит сравнительно немного времени (часть из них приезжает в Климово только на субботу и воскресенье). Религиозная жизнь деревни связана с людьми старшего возраста.

* * *

Хотя изложенный материал получен в деревне Климово, некоторые предварительные выводы правомерно распространить на все Горьковское Заволжье, тем более, что их подтверждают этнографические данные, полученные в ряде других населенных пунктов. Наши сведения, прежде всего, характеризуют процесс разложения старообрядчества. Первые признаки этого процесса стали заметны уже в конце прошлого века, когда в старообрядческих деревнях начало сказываться влияние православной церкви, когда, наряду с переходом отдельных людей в православие или единоверие, претерпел кое-какие изменения и деревенский быт. Тем не менее старая вера еще держалась крепко (пример — секта Коробейникова) вплоть до первых лет Советской власти. В советское время, в связи с социальными и культурными преобразованиями старообрядчество стремительно пошло на убыль как в сфере бытового поведения, так и в области идеологии. В наши дни проблема «истинной веры», порождавшая прежде многочисленные толки и секты, не волнует верующих. Одним из свидетельств этого может служить, в частности, и отношение жителей Климова к появившейся в Урене организации евангельских христиан-баптистов. В 1959—1960 гг. в составе секты была и одна климовская семья; и в 1972 г. по-прежнему только она представляла секту в деревне. Рассуждения стариков говорят о том, что поиски истины привели их не к новым формам религии, а к отрицанию многих религиозных положений. Основная масса верующих сейчас не противопоставляет старообрядчество православию, и это фактически стихийное сближение двух ветвей русского христианства явилось основой для официального примирения православной церкви с последователями раскола (как известно, в 1971 г. Поместный Собор Русской православной церкви

²⁶ О работе климовского клуба см. Н. И. Савушкина, Указ. раб., стр. 56—58.

²⁷ Такое явление отмечено у русских в разных областях страны, в том числе и среди старообрядческого населения. См., например, Ю. В. Гагарин, Старообрядцы, 1973, стр. 94—96.

принял решение, полностью приравнявшее старообрядчество к официальной православной церкви).

Сейчас уже опубликован не один обзор состояния религиозности в разных частях нашей страны, и появляется возможность для сопоставлений, которые позволили бы выявить общие закономерности процесса отхода от религии. Изложенный материал дает некоторые дополнительные сведения. Как и в других местах, в заволжской деревне число верующих значительно сокращается. В Климове, как мы уже говорили, анкеты не распространялись, и точных данных о количестве верующих нет. Однако наблюдения автора в сопоставлении с высказываниями жителей деревни позволяют в общих чертах представить соотношение различных по отношению к религии групп. Неверующие составляют больше половины населения, колеблющиеся — примерно пятую часть, верующие — вряд ли свыше трети от общего числа жителей (дети дошкольного и школьного возраста не берутся в расчет). Согласно данным, полученным в других областях нашей страны, прослойка верующих там несколько меньше, она составляет пятую часть населения (в Пензенской и Воронежской областях)²⁸.

Такая разница легко объясняется историческими особенностями Заволжского края. А данные о количестве верующих в сельских районах Белоруссии (25,8% в восточных областях и 60,6% в западных областях)²⁹ могут служить лишним свидетельством того, сколь велики преобразования в старообрядческой деревне. Как и в других местах страны, и здесь состав верующих неоднороден. Религиозные представления большинства верующих скудны и неопределенны, и лишь у незначительной части людей религиозность проявляется в формах, близких к каноническому старообрядчеству. Преобладающую часть верующих составляют женщины. Как и в других местах, здесь теряют прежний облик и религиозная идеология, и обрядность, и христианские верования, и дохристианские пережитки.

Собранный материал позволяет яснее понять, что этнографические особенности старообрядчества в Горьковском Заволжье тесно связаны со своеобразием религиозных традиций. Своеобразие традиционной культуры, выделяющее старообрядцев среди других групп русского населения, заключается в старинных обрядах, обычаях и поверьях, которые сохранились в быту благодаря особенностям религиозного уклада староверческих общин. Полученные сведения о современном состоянии религиозных верований и обрядности подтверждают такой вывод. В более отдаленных районах Горьковского Заволжья (например, Тонкинском), где религиозные традиции старообрядцев еще сохраняют целый ряд прежних черт, живы и былые культурно-бытовые особенности. В тех же деревнях, где, как в Климове, идеология старообрядчества в значительной мере забыта, а традиционные связи внутри общины разрушены, постепенно исчезает и своеобразие быта. Если не считать незначительных отличий, то быт жителей этих деревень ныне такой же, как и быт современного сельского русского населения, никогда не следовавшего за «старой верой».

²⁸ См. П. К. Курочкин, *Эволюция современного русского православия*, М., 1971, стр. 93; М. К. Тепляков, *Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества*, «Вопросы научного атеизма», вып. 4, М., 1967, стр. 137.

²⁹ «Причины существования и пути преодоления религиозных пережитков», Минск, 1965, стр. 173.